

the concepts of design as intention with features of integrity, coherence and consistency fails when describing features of the text that should be associated with the idea of authorship. It only obscures, rather than clarifies, the role of authorial perspective.

Key words: *authorial perspective, authorial intention, implied author, real author, death of the author, subjective perspective, wholeness of text*

Семиотическая философия Ю. М. Лотмана*

Фаритов В. Т.

Россия, Ульяновск, Ульяновский технический университет,
доктор философских наук, профессор кафедры философии

Целью настоящей статьи является исследование вопроса о взаимопроникновении литературоведения и философии на материале анализа наследия Ю. М. Лотмана. Автор обосновывает положение, что концептуальным разработкам и исследованиям текстов художественной литературы Лотмана принадлежит значимое место в становлении постметафизической культурно-философской парадигмы. В статье показывается, что одним из центральных пунктов работ Лотмана является феномен нарушения границ, то есть трансгрессии. Исследования Лотмана позволяют эксплицировать различные аспекты феномена трансгрессии.

Ключевые слова: *Ю. М. Лотман, трансгрессия, граница, семиосфера, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, семиотика, литературоведение, философия.*

Филология и философия не отделены друг от друга непроходимыми границами. После связанного с кризисом классической европейской метафизики лингвистического поворота значимость теоретического и методологического потенциала филологии начинает приобретать значительно более высокую оценку в философском дискурсе. Ярким

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-33-01222.

свидетельством взаимопроникновения философии и литературоведения может служить наследие Ю. М. Лотмана [12]. Проявленная в его работах оригинальность и самобытность мысли позволяет утверждать, что Лотману принадлежит значимое место в становлении и развитии неклассической парадигмы философской мысли [7]. Этот тезис носит принципиальный характер и нуждается в специальном изучении и обосновании. Проблема состоит в том, что в отличие от исследований Бахтина, работы Лотмана не были в достаточной степени восприняты на Западе в своем философском аспекте. Как отмечает по этому поводу Н. С. Автономова: «Переводы лотмановских работ на Западе были доступны прежде всего славистам, и потому не находили (во всяком случае, во Франции и США) должного резонанса. Этим Лотман отличался от Бахтина, который своими текстами, казалось, всегда попадал в резонанс, даже если это случалось в силу какого-то исторического и культурного перекося восприятия» [1, с. 355].

М. М. Бахтин раскрыл не сводимую к единству множественность и гетерогенность в качестве основной черты поэтики романов Ф. М. Достоевского [4]. Лотман сделал аналогичное открытие на материале поэтики произведений А. С. Пушкина. Уже в первом русском романе, согласно Лотману, мы не обнаруживаем единой и подчиняющей себе все содержание произведения авторской позиции. Вместо этого в «Евгении Онегине» мы можем наблюдать трансгрессию позиции автора как носителя высшего сознания. В пушкинском романе в стихах отсутствует единая и универсальная точка зрения, подобно тому, как отсутствует универсальная система отсчета в неклассической физике: «Да и сама авторская оценка дается как целый хор корректирующих друг друга, а иногда взаимоотрицающих голосов. Гибкая структура онегинской строфы позволяет такое разнообразие интонаций, что в конце концов позиция автора раскрывается не какой-либо одной сентенцией, а всей системой пересечения смысловых напряжений» [9, с. 23].

С. А. Кибальник подверг выделенный Лотманом принцип противоречий критике в качестве «структуралистского мифа» [8]. Однако для целей нашего исследования вопрос, действительно ли в пушкинском тексте присутствуют неснятые противоречия, не столь значим. Для нас значимо то обстоятельство, что Лотман эти противоречия видит и фиксирует в качестве основного момента поэтики «Евгения Онегина». Мо-

тивы такого прочтения не могут быть исчерпывающе объяснены давлением структуралистской методологии. Кризис метафизической парадигмы поставил под сомнение онтологический статус картезианского субъекта как носителя единой и универсальной истины [2, с. 1424]. В философии, в литературоведении, в культуре в целом начинаются поиски новых концептуальных горизонтов, позволяющих раскрывать множественный и гетерогенный характер существования, который не может быть подчинен какому-либо высшему единству. Диалектика не обеспечивает адекватное решение данной задачи, поскольку сводит противоречивые стороны действительности к моментам движения идеи, духа или материи. Новая парадигма зарождается в философии жизни.

Стоящий у истоков данного процесса Ф. Ницше мыслит уже не метафизически и не диалектически. Основу его философствования составляет тот самый принцип неснятых противоречий, о котором применительно к творчеству Достоевского говорил Бахтин. Данная особенность ницшевского мышления была детально проанализирована К. Ясперсом. Последний показал, что у Ницше практически нет ни одного положения, которому не соответствовало бы утверждение противоположной точки зрения. Ницше противоречит сам себе и эти противоречия не снимает, но, напротив, сознательно умножает, доводит их до предела. Тем самым ему удается уклониться от построения выражающей единую точку зрения *системы* и раскрыть бесконечно противоречивый и многогранный, перспективный характер *жизни*. «Позитивное Ницше понимает не в обретающей плоскую определенность имманентности, а, скорее, в бесконечном горизонте, в *неопределенной безграничности*» [16, с. 584].

В своем прочтении пушкинского романа в стихах Лотман руководствуется аналогичной установкой: «За таким построением текста лежало представление о принципиальной неместимости жизни в литературу, о неисчерпаемости возможностей и бесконечной вариативности действительности» [9, с. 23]. Лотман не просто использует популярную в его время методологию структурализма, но становится в эпицентр процесса смены культурных и философских парадигм.

Остается, конечно, вопрос, не совершается ли при таком подходе насилие над русской классикой. На наш взгляд, «насилие» совершается не по отношению к русской классике, но по отношению к установив-

шему и ставшему общепринятым способу ее прочтения. Пушкин в своем творческом становлении очень быстро освоил и оставил позади классицизм и романтизм. Дальше, согласно распространенному взгляду, следует реализм как установка на раскрытие детерминированности характеров средой (социальной, политической и т. п.). Такая позиция соответствует классическому детерминизму в физике, а в философии выражается в хрестоматийном марксистском тезисе, что сознание определяется общественным бытием. Реализм в литературе требует также существования единого универсального сознания, способного отразить социальную действительность в качестве целостного феномена. В основании такого подхода лежит метафизическая схема, полагающая существование единого бытия и/или единого сознания. Бахтин определяет подобную установку как принцип монологизма. Отсюда следует, что если лотмановское прочтение Пушкина может быть подвергнуто критике в качестве тенденциозного, то и прочтение Г. А. Гуковского [6] следует оценивать по аналогичным критериям – как тенденциозное не в меньшей степени. Просто речь здесь идет о принципиально различных тенденциях, соответствующих разным культурно-философским парадигмам. Классическая физика не является более истинной по сравнению с квантово-релятивистской. Также и интерпретация Пушкина в канонах реализма не может претендовать на привилегированный статус по отношению к структуралистской. Реализм представляет собой такой же «миф», а точнее, продукт определенной парадигмы мышления. К тому же, такие сложные и многоаспектные понятия, как «реальность», «действительность», «жизнь», допускают весьма широкий спектр определений. Если для Гуковского это социальная среда, то для Лотмана – это подвижная, открытая и многозначная структура, трансгрессивная по своей природе.

Лотман сам дает достаточно ясные указания по поводу философского содержания своего подхода к наследию Пушкина и к русской классике в целом. Принцип монологизма основан на метафизическом постулате о существовании вечной и универсальной истины: «В искусстве XVIII в., традиционно определяемом как классицизм, этот единый фокус выводился за пределы личности автора и совмещался с понятием истины, от лица которой и говорил художественный текст. Художественной точкой зрения становилось отношение истины к изображаемому миру. Фиксированность и однозначность этих отношений, их радиаль-

ное схождение к единому центру соответствовали представлению о вечности, единстве и неподвижности истины» [9, с. 69]. Парадигма, утверждающая истину или субъекта в качестве метафизического центра, оспаривается парадигмой, полагающей множество рассеянных центров или отсутствие центра как такового: «Однако возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фиксируются в едином центре, а конструируют некое рассеянное пятно-субъект, состоящее из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы» [9, с. 69].

Видение мира как соотношения рассеянных и множественных центров соответствует уже не столько структуралистскому, сколько постструктуралистскому направлению в философии и литературоведении. Именно здесь концепт трансгрессии приобретает определяющую значимость – подобную той, какая в метафизике принадлежала трансценденции, а в диалектике – диалектическому (то есть подлежащему снятию) противоречию [15].

Лотман уделяет много внимания анализу феноменов нарушения границы в художественных текстах. Исследования, посвященные наследию А. С. Пушкина, не являются исключениями в этом плане. Так, отмечается феномен нарушения синтаксических и метрических границ в «Евгении Онегине». Чтобы данное нарушение приобрело значимость и было зафиксировано вниманием читателя, необходимы предварительное установление и артикуляция самих границ: «Таким образом, соотношение между нарушениями и соблюдением ритмической границы таково, чтобы она постоянно сохранялась в сознании читателя (следовательно, чтобы нарушение ее было значимым). И одновременно требуется, чтобы читатель чувствовал, что подобные нарушения происходят достаточно часто, что, следовательно, они не могут быть случайными и, очевидно, ему предлагается не какая-то одна поэтическая структура, а отношение двух структур – утверждающей некие закономерности и их разрушающей. Причем именно отношение (одна структура на фоне другой) является носителем значения» [9, с. 84-85]. Данный фрагмент в целом выдержан в рамках структуралистского подхода: значимость трактуется как результат различительных оппозиций. Однако выделение в качестве существенного момента феномена нарушения границ смещает акценты в сторону постструктурализма. Трансгрессия в постструктуралистской философии выступает именно в каче-

стве функции, отношения, в то время как метафизическая парадигма была ориентирована преимущественно на субстанции и сущности [13].

Привести многообразное и разнородное к единому – задача метафизики. Вскрыть в едином множественное и гетерогенное – задача постметафизической культурно-философской парадигмы, к которой принадлежит и Ю. М. Лотман. Если исходить из метафизической парадигмы, то в Пушкине можно увидеть певца всепроникающей гармонии. Исследователь постметафизической ориентации, напротив, будет раскрывать в произведениях русского классика сугубо трансгрессивные феномены – «трагические разрывы, глубинные контрасты» [9, с. 126].

В пушкинском наследии особенно богатым материалом для исследования трансгрессивных феноменов являются «маленькие трагедии». Согласно Лотману, одним из центральных мотивов «Каменного гостя», «Моцарта и Сальери», «Пира во время чумы», а также «Скупого рыцаря» является «гибельный пир». Связь пиршественных образов со смертью была выделена М. М. Бахтиным в качестве одного из элементов карнавального мировоззрения [5]. По Лотману, смысл «гибельного пира» состоит в нарушении запретов: «При этом во всех случаях пир имеет не только зловещий, но и извращенный характер: он кощунствен и нарушает какие-то коренные запреты, которые должны оставаться для человека нерушимыми» [9, с. 155]. Нарушение коренных, не долженствующих быть нарушенными запретов – это трансгрессия в том смысле, в котором писал о ней Ж. Батай [3]. Коренные запреты являются выражением высших, сакральных и метафизических границ, которыми определяются пространство культуры и сфера человеческого бытия. Однако внутренняя безграничность, незавершенность и неопределенность человеческого бытия приводят к тому, что человек оказывается способен нарушать самые высшие запреты, преступать непреступаемые границы, достигать последних рубежей и пределов. Человек характеризуется как способностью полагать высшие границы (трансценденция), так и способностью их преступать (трансгрессия). При этом значение трансгрессии не сводится только к деструкции высшего и сакрального. Парадоксальным образом трансгрессия может служить и путем к утверждению высших ценностей. Так, с одной стороны, Лотман пишет: «Мир “маленьких трагедий” – мир сдвинутый, находящийся на изломе» [9, с. 159]. Но с другой стороны, «именно разрушение нормы создает образ необходимой, хотя и нереализованной, нормы» [9,

с. 159]. В другой своей работе и на основе анализа другого материала Лотман заметит: «В этом отношении петербургские анекдоты о кощунственных выходках против памятника Петру I <...>, как всякое кощунство, есть форма богопочитания» [10, с. 311]. Эту мысль – кощунство как богопочитание – мы встретим у Бахтина в его исследовании народно-смеховой культуры средневековья и Ренессанса. Данный момент позволяет рассматривать трансгрессию в качестве значимого компонента философского мировоззрения Бахтина [14]. Мы находим эту мысль и у Ницше в описании «Праздника осла» из «Так говорил Заратустра». В этом же произведении немецкий философ скажет: «Fluch ist auch ein Segen» [17, S. 611] – «проклятие есть тоже благословение».

Если норма представляет собой абсолютно ненарушимую границу, то она превращается в абстрактную догму, в отвлеченный принцип – в каменную статую. Человек в этом случае просто лишен свободы, лишен выбора, следовательно, его подчинение норме лишено нравственной ценности. Человек поступает нравственно только тогда, когда соблюдение нормы не является результатом принуждения и отсутствия выбора. Для этого нормы должны быть в принципе нарушаемыми – человек должен брать на себя задачу проверки моральных ценностей на прочность, он должен осуществлять трансгрессию установленных границ. Трансгрессия позволяет высветить открытый и подвижный характер границ и обнаружить нравственную свободу человека оставаться в пределах этих границ по своему выбору. В этом смысле пушкинский Дон Гуан – трансгрессивный персонаж, функция которого заключается в нарушении норм и преступании границ: «Дон Гуан – гений, рвущийся нарушать нормы, разрушать любые пределы именно потому, что они пределы» [9, с. 164].

Таковы философские аспекты предложенного Лотманом подхода к прочтению наследия Пушкина.

Литература

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
2. Балаклеец Н. А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. 2016. № 10. С. 1419-1429.

3. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
4. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
6. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гос. издат. худ. лит., 1957. 416 с.
7. Дёмин И. В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2017. 273 с.
8. Кибальник С. А. «Евгений Онегин» или «Евгений Лотман», или миф о «поэтике противоречий» в пушкинском романе // Культура и текст. 2011. № 12. С. 161-182.
9. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. СПб.: Азбука, 2015. 416 с.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2014. 416 с.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 11. М.: Культурная революция, 2012. 688 с.
12. Фаритов В. Т. Семиотика трансгрессии: Ю. М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60-67.
13. Фаритов В. Т. Онтология трансгрессии: Г. В. Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб.: Алетейя, 2017. 442 с.
14. Фаритов В. Т. Философские аспекты творчества М. М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140-150.
15. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб: Мифрил, 1994. С. 111-133.
16. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. 628 с.
17. Nietzsche F. Gesammelte Werke. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.

Faritov V. T.

YU. M. LOTMAN'S SEMIOTIC PHILOSOPHY

The purpose of this article is to study the question of the interpenetration of literary criticism and philosophy on the basis of the analysis of the heritage of Yu. M. Lotman. The author justifies the position that the conceptual development and research of texts of fiction Lotman has a significant

place in the development of the post-metaphysical cultural-philosophical paradigm. The article shows that one of the central points of the work of Lotman is a phenomenon of violation of boundaries, that is, a transgression. Lotman's research allows us to explicate various aspects of the phenomenon of transgression.

Key words: *Yu.M. Lotman, transgression, border, semiosphere, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, semiotics, literary criticism, philosophy.*